

© А.В. НЕХАЕВ

A_V_Nehaev@rambler.ru

УДК 165.731

PROTOKOLLSÄTZ-STREIT: ФЕНОМЕНАЛИЗМ, ФИЗИКАЛИЗМ И КОНВЕНЦИАЛИЗМ

АННОТАЦИЯ. В статье представлены и проанализированы позиции представителей трех основных лагерей, составляющих Венский кружок: феноменалистов Морица Шлика, физикалистов Рудольфа Карнапа и конвенционалистов Отто Нейрата, — по комплексу методологических и эпистемологических проблем верификации, обсуждение которых вошло в историю философии как знаменитый *Protokollsatz-Streit* — «Спор о протокольных предложениях».

SUMMARY. The article demonstrates and analyses positions of representatives of three basic camps making the Vienna circle: phenomenologists of Moritz Schlick, physicalists of Rudolf Carnap and conventionalists of Otto Neurath, — on a complex of methodological and epistemological problems of verification, the discussion of which has gone down in history of philosophy as a well-known *Protokollsatz-Streit* — «Dispute on protocol statements».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Венский кружок, протокольное предложение, феноменализм, физикализм, конвенционализм.

KEY WORDS. Vienna circle, protocol statement, phenomenism, physicalism, conventionalism.

Логический позитивизм, или логический эмпиризм*, — с его откровенно анти-метафизическими лозунгами, — обычно рассматривается как монолитное радикально настроенное идейное течение, ставящее своей целью тотальное изгнание философии из области научного знания. Однако, к сожалению, такого рода оценки либо базируются на слишком беглом и невнимательном знакомстве с теоретическим наследием логического позитивизма, либо на его превратном толковании.

Одним из основных условий, оказывающих влияние на появление и распространение такого рода некорректных оценочных догм, является пользующаяся незаслуженной популярностью историко-философская иллюзия о наличии внутреннего единства и солидарности среди логических позитивистов как по отношению к содержанию и перечню исследуемых ими проблем, так и по отношению к самим способам их решения. Действительно, нет сомне-

* Термин «логический позитивизм» был впервые использован Г. Фейгелем и А. Блумбергом в качестве удобного и удачного маркера, позволяющего отметить центральную линию исследований, сложившуюся в Венском кружке — логический анализ языка и оснований науки; самим же Венцам, в частности, их основным исследователям-идеологам М. Шлику и Р. Карнапу, в большей степени импонировал термин «логический эмпиризм», поскольку он однозначным образом указывал на пути решения проблем, оказавшихся в центре внимания благодаря логическому анализу принципов научной рациональности [1; 11]; [2; 122-123].

ний в том, что общая для всех логических позитивистов исследовательская программа инициировала многочисленные исследования в области оснований науки, логической реконструкции языка и принципов научной рациональности, но, тем не менее, именно внутренние споры и взаимная критика, активно практиковавшиеся в среде сторонников этой исследовательской программы, сделали, в частности, Венский кружок — флагманскую ассоциацию логического позитивизма на континенте — подлинным центром философской и интеллектуальной жизни в 1920-30-е годы, деятельность которого не только ознаменовала начало в философии «лингвистического поворота» — *Linguistic Turn*, но и оставила нам в наследство целый набор головоломных проблем, обеспечивших работой многие поколения исследователей.

Венский кружок и Protokollsatz-Streit («Спор о протокольных предложениях»). Вторая половина XIX — начало XX в. для научного сообщества оказалась тесно связана с процессами активной дисциплинарной дифференциации и демаркации, во многом подогреваемыми серьезными философскими и методологическими спорами, инициированными, прежде всего, неокантианством, — пожалуй, одним из наиболее влиятельных интеллектуальных течений этого периода, — а также некоторыми «зеркальными» по отношению к нему исследовательскими программами, в частности, философией жизни — *Lebensphilosophie*. Так, именно в этот период получают широкое распространение знаменитые различия неокантианцев и сторонников философии жизни — *Kulturwissenschaften, oder Geisteswissenschaften, und Naturwissenschaften**. Однако постепенное установление предметных областей для размежевывающихся дисциплин, начиная от естествознания, психологии, социологии и других социально-гуманитарных наук, вплоть до теории литературы и искусствоведения, также получивших полноценный академический статус, существенным образом снижало накал демаркационной борьбы, так что уже к 1910-20-м гг. процессы дисциплинарной дифференциации, контролируемые и направляемые неокантианством**, сменяются новым и, как оказалось, диаметрально противоположным этапом философской рефлексии над основаниями науки — унификационной программой логического позитивизма, сделавшего своим основным лозунгом требование более жесткого стандарта научности, и настаивающего на последовательной редукции всех областей науки к этим новым — более строгим — стандартам.

Как ожидалось, такого рода «проверка на рациональность», — то есть установление строгих эталонов научной рациональности и их последовательное применение ко всем сферам мышления и культуры, — была способна справиться

* «*Kulturwissenschaften*» — данный термин, обозначающий весь комплекс «наук о культуре», был введен неокантианцем Вильгельмом Виндельбандом взамен уже получившего широкое распространение термина представителя философии жизни Вильгельма Дильтея «*Geisteswissenschaften*», или «науки о духе», поскольку, как полагал Виндельбанд, предложенное Дильтеем различие недостаточно строго характеризует действительные различия естественных — *Naturwissenschaften*, или «наук о природе» — и гуманитарных наук; так, в частности, из него нельзя вывести формальную противоположность этих наук, основанную на принципе логического дуализма, или дуализма методов наук — номотетических и идиографических.

** Подробнее о роли и участии неокантианцев в демаркационных войнах середины XIX века см. [3; 894-899]; [4; 8-9]

с окончательным решением демаркационной проблемы, выведя за рамки территории, занимаемой науками, все те области псевдознания, которые спекулируют на системах бессмысленных предложений, и в частности, лишив метафизику того привилегированного положения*, которое она для себя приобрела, благодаря усилиям сторонников немецкого идеализма и неокантианства; ведь действительно «нигде не сказано, что царица наук сама должна быть наукой» [5; 101].

Однако идеологический императив исследовательской программы логических позитивистов — унификация всех размежевавшихся между собой научных дисциплин — указывавший на их стремление радикальным образом упростить воззрения на основания науки, значительно разросшиеся ревностными стараниями неокантианцев и близких к ним философских систем, нуждался в ясной и достаточно простой праксиологии. Как следствие, бремя по тотальному избавлению территории наук от систем бессмысленных предложений и прочих «сорных» разновидностей псевдознания было возложено на процедуры верификации, принцип которой гласил: *любое предложение является осмысленным, только и если только оно описывает некоторое положение дел в мире***; иными словами, предложение следует признать осмысленным только и если только оно эмпирически осмысленно.

Сделав фундаментом своей унификационной программы принцип эмпирической проверяемости, или верифицируемости, согласно которому научно осмысленными следует считать только те термины и содержащие их предложения, которые позволяют переходить от одних эмпирических знаний к другим, логические позитивисты, во-первых, устанавливали новые — более строгие — стандарты научной рациональности, а во-вторых, получали в свои руки достаточно простой и, как казалось, эффективный инструмент, используя который можно было рассчитывать на радикальное избавление от всех неприемлемых для них форм псевдознания, так как любое подлинно научное знание всегда редуцируемо к своему эмпирическому базису, а в конечном счете — к чувственным данным, фиксируемыми нами в предложениях некоторого «языка наблюдения» — *Basissätze* [7; 34-36].

В сложившихся обстоятельствах самым существенным «камнем преткновения» для логического позитивизма оказался сам вопрос о выборе языка, способного

* Справедливости ради стоит отметить, что сами цели унификационной программы логических позитивистов не были в достаточной степени оригинальны, поскольку отрицательное отношение к метафизике, то есть к философии в ее традиционном понимании, а стало быть, и стремление, так или иначе, от нее «избавиться» было характерно и для классического позитивизма О. Конта, и для британского эмпиризма Г. Спенсера и Дж. С. Милля, и для немецкого «радикального материализма» Л. Бюхнера, К. Фогта и Я. Молешотта, и для эмпириокритицизма Э. Маха; но, тем не менее, само требование устранить метафизику из сферы науки имело у них декларативный характер, так как не сопровождалось никакими конкретными методологическими предписаниями, подобными тем, которые предложили логические позитивисты.

** Нет сомнений, что в указанном принципе чувствуется влияние одного из «фирменных» ингредиентов творчества логических позитивистов — логицизма Г. Фреге и Б. Рассела, базирующегося на системах математической логики и ориентированного на логическую реконструкцию языка [6], «удаленный доступ» к идеям которого для логических позитивистов, в частности, представителей Венского кружка, обеспечил Л. Витгенштейн, оказавший на них колоссальное влияние своим «Логико-философским трактатом» [8].

вынести возлагавшееся на него «редукционистское бремя» по унификации наук; а это значит, что именно поиски и дискуссии, инициированные вокруг этого вопроса представителями Венского кружка, нашедшие выражение в ставшем уже легендарном *Protokollsatz-Streit* — «Споре о протокольных предложениях», и сформировали три противоборствующих лагеря исследователей: феноменалистов, физикалистов и конвенционалистов, — в рядах логических позитивистов, казавшихся многим со стороны столь монолитным и внутренне солидарным течением.

«Правое крыло»: феноменализм Морица Шлика. Анализ смысла суждений, образующих системы знаний, в частности, исследование тех способов, какими в научном познании осуществляется связь между понятиями и фактами, предпринятые Морицем Шликом — одним из отцов-основателей Венского кружка — привели его к твердому убеждению в том, что процедура верификации может быть осуществлена только при помощи *феноменалистского языка*, который позволит нам вполне удовлетворительным образом сформулировать искомый эмпирический базис наук, состоящий из n -ого числа базовых далее не определяемых, но вместе с тем эмпирически осмысленных предложений — *Basissätze*.

При этом решающим аргументом в пользу выбора нами феноменалистского языка, в качестве «языка наблюдения», является его «*семантическая прозрачность*»: возможность формулировать в нем такие предложения, которые фиксируют чувственные переживания субъекта в непосредственном опыте, позволяя составлять такие «протокольные предложения», которые бы обозначали «чистый опыт» личных переживаний некоторого субъекта познания, взятого в первом лице*. Более того, такие *Protokollsätze* должны нами трактоваться не только как выражающие «непосредственно данное» без какого-либо его понятийного истолкования, но и как безусловно достоверные; а это значит, они — вполне подходящие кандидаты на роль искомых логическими позитивистами *Basissätze*.

И хотя такое строго феноменалистское решение *Protokollsatz-Streit*, предложенное Морицем Шликом, давало некоторые основания надеяться на быстрый успех логического позитивизма в деле унификации наук посредством их редукции к эмпирическим основаниям, тем не менее, оно оказалось несвободным от серьезных издержек: так, *феноменализм действительно обещал солидные семантические выгоды, обеспечивая непосредственную ментальную очевидность содержания «протокольных предложений», но делал это лишь за счет солипсистских уступок и частичного отказа от «реалистической установки» на мир*** [9]. Вскрывшееся затруднение, заключавшееся в том, что *реалистическая установка не может быть выражена в феноменалистском*

* Например, в качестве *Protokollsätze* в феноменалистском языке признаются предложения вроде таких, как «я сейчас испытываю радость» или «вчера мне было грустно вечером».

** Феноменализм М. Шлика явным образом противоречил «реалистической установке» на мир, прежде всего в области теоретических, или ненаблюдаемых, объектов, таких, как, например: «масса», «поле» или «заряд», — что в целом для программы логического позитивизма было принципиально не приемлемым, поскольку для Венцев, в отличие от неокантианства, в частности, философской интерпретаций физики Э. Кассирера [10], или даже идейно им близкого эмпириокритицизма Э. Маха [11]; [12], предложения, включающие в себя теоретические термины, не являются простыми «фикциями»

языке, вынуждало Морица Шлика ослабить изначально «жесткие» требования верификации*, и, отказавшись от поисков конечных элементов верификации, признать простую «логическую возможность» единственной демаркационной линией между подлинной наукой и системами псевдознания**, что, безусловно, существенно ослабляло антиметафизическую критику, предполагаемую первоначальным проектом исследовательской программы логического позитивизма.

«Центр»: физикализм Рудольфа Карнапа. В 1926 г. к работе Венского кружка, направленной на сведение всех предложений науки к некоторому классу элементарных предложений — *Basissätze*, выражающих «чистый» опыт и образующих неопровержимый и абсолютно достоверный базис научного знания, подключается только что приехавший в Вену Рудольф Карнап; имея за плечами отличную подготовку в области логики и математики, он предлагает свой собственный — оригинальный — проект осуществления эмпирической редукции, в котором основная роль должна быть отведена формальному языку со строго заданной синтаксической структурой.

Понимая, что феноменалистский язык непригоден для логической реконструкции оснований науки, так как используемый им синтаксис от первого лица позволяет фиксировать лишь индивидуальное содержание опыта, создавая тем самым потенциальную возможность для прямых обвинений в солипсизме, — а значит, образованные в этом языке предложения никак не могут претендовать на статус *Protokollsätze*, поскольку это исключало бы общезначимый характер научной рациональности, Рудольф Карнап предлагает использовать для нужд эмпирической редукции *физикалистский язык*.

Главными преимуществами физикалистского языка перед феноменалистским являются: во-первых, его пригодность для описания всех без исключения эмпирических явлений на базе некоторого строго заданного и общего для всех познающих субъектов физического словаря [13], а во-вторых, особым образом синтаксически сконструированный, — так, теперь под *Protokollsätze* понимались только такие предложения, которые обозначают психические переживания познающего субъекта, взятого в третьем лице***, — он позволяет учесть момент интерсубъективности при составлении искомым нами *Basissätze*. Более того, стремясь доказать, что любые психологические термины, свойственные для используемого нами феноменалистского языка и обеспечивающие очевидность переживания, могут быть введены на базе единого физического словаря, Рудольф Карнап модернизирует свою трактовку физикализма и формулирует концепцию «вещного», или *экстенционального, языка*, предложения которого при помощи безличного уже

* Это расчищало дорогу исследованиям так называемой «слабой верификации» А. Дж. Айера [14], идею которой он импортировал на британскую почву, после стажировки в Вене в 1932-33 годах.

** В частности, логицизм Рассела-Витгенштейна давал вполне надежный критерий для отказа от некоторых предложений не просто как от ложных, а как от бессмысленных.

*** Например, в качестве *Protokollsätze* в физикалистском языке могут быть признаны такие, как «Рудольф Карнап сейчас смеется» или «вчера вечером за ужином Рудольф Карнап съел три корочки хлеба»

синтаксиса описывают «вещи» — наблюдаемые физические объекты и их наблюдаемые свойства*.

К сожалению, платой за *синтаксическую строгость* используемого нами языка, обеспечивающей intersубъективность и общезначимость научного знания, стал отказ от непосредственной ментальной очевидности содержания *Protokollsätze*: требование безличного синтаксиса для языка наблюдения вынуждало, тем не менее, признать, что «предложения наблюдения» содержат в себе момент истолкования**, а принятие их в качестве базисных всегда предполагает то или иное, прагматическое по своей сути, решение и не определяется однозначно «непосредственно данным», что напрямую противоречило духу и содержанию унификационной программы логического позитивизма.

«Левое крыло»: конвенционализм Отто Нейрата. Свою деятельность в рамках Венского кружка Отто Нейрат начинал как вполне ортодоксально настроенный логический позитивист; в частности, разделяя общие для них настроения, связываемые с программой по унификации оснований науки, он надеялся на возможность быстрого создания и обоснования такого языка, который бы был в состоянии обеспечить нас необходимыми *Basissätze* для редукции научного знания к его эмпирической основе. Однако именно исследованиям Отто Нейрата надлежало сыграть особую роль в жизни Венского кружка: именно в них были маркированы и обозначены основные линии для критики и последовавшей за этим ревизии теоретического наследия логического позитивизма в критическом рационализме Карла Раймунда Поппера и Пола Фейерабенда, научном реализме Уилфрида Селларса и Уилларда Ван Ормана Куайна, и, наконец, многочисленных социоисторических и социокультурных концепциях науки Томаса Куна, Дэвида Блура и Бруно Латура.

Бурная дискуссия внутри Венского кружка вначале вокруг феноменалистского и физикалистского, а затем и «вещного», или экстенционального, языков обнажила конвенциональные следы в основаниях науки, что явным образом не соответствовало ни духу, ни букве унификационной программы логического позитивизма. В этих обстоятельствах — под давлением все новых и новых затруднений, возникающих в основаниях единого языка науки, — Отто Нейрат провозглашает решительный поворот к исследованиям мира научной коммуникации и социальных взаимоотношений.

Развернутая им критика позиций, отстаиваемых лагерями феноменалистов Морица Шлика и физикалистов Рудольфа Карнапа, ориентированных, прежде всего, на исследование и логическую реконструкцию языка науки, имела весьма радикальный характер: так, в частности, *Protokollsätze*, составленные нами при помощи какого-либо «языка наблюдения», не обладают никакими преимуществами по сравнению с другими видами предложений, поскольку «не существует ни “первоначальных протокольных предложений”, ни предложений,

* В частности, примером *Protokollsätze* для экстенционального языка может служить предложение вроде такого: «зеленое появляется в точке x, y, z в момент времени t », — или некоторые из предложений попроще: «эта точка ниже и левее той».

** Позднее это позволит некоторым прагматически настроенным историкам и социологам науки, в частности, таким, как Т. Кун, Л. Флек, М. Полани, Н. Хэнсон, Б. Ван Фраассен, выдвинуть знаменитую гипотезу о «теоретической нагруженности опыта».

“не требующих никакого обоснования”» [15; 316]; это значит, что для истинных логическим позитивизмом *Basissätze* принципиальное значение должна иметь не их способность выражать для нас «чистый» опыт или даже синтаксически безупречно его передавать, а как раз таки то, что *любое предложение может быть как обосновано, так и отброшено* [15; 315]; как следствие, подлинным основанием для принятия нами некоторого предложения в качестве *Basissätze* является не абсолютная его достоверность, а прежде всего согласованность и непротиворечивость с другими предложениями науки, взятыми как целое*. Иными словами, наш выбор некоторой группы предложений в качестве *Protokollsätze* детерминирован не эпистемологическими соображениями, а всего лишь прагматическими**, что связано с наличием неустраняемых конвенциональных следов в природе протокольных предложений, — так как «нет никаких средств сделать исходным пунктом науки абсолютно чистые протокольные предложения» [15; 311], — и это, соответственно, вынуждает нас отказываться от самого ядра программы логического позитивизма — принципа верификации.

Нет сомнений, что именно *Protokollsatz-Streit* — «Спор о протокольных предложениях» — являлся центральным нервом интеллектуальной жизни Венского кружка, обеспечив ему статус флагманской исследовательской ассоциации логического позитивизма.

Несмотря на то, что ни одна из заявленных в унификационной программе логических позитивистов целей так и не была достигнута, тем не менее, предпринятые ими анализ смысла предложений и оснований научной рациональности, поиски критериев эмпирической осмысленности предложений науки и конструирование «языков наблюдения», — то есть все то, что и составило в конечном счете комплекс проблем и вопросов, вошедший в историю под именем «*Protokollsatz-Streit*», — оказались «золотоносной жилой», полной логико-философских головоломок, где каждое новое решение вело к появлению новых трудностей: так, эмпирическая верификация увязла в вопросах о природе наших *Basissätze*, трактуемых как конечные верифицирующие элементы, и эпистемологическом статусе самого принципа верификации, а масштабная логическая реконструкция языка науки — в неразрешимых проблемах различения между допустимой бессмысленностью самих этих реконструкций и порочной бессмысленностью подлежащих элиминации метафизических систем предложений. Все это вместе взятое, а также демонстрируемая Венцами способность активно преобразовывать свои внутренние споры и конфликты в оригинальное интеллектуальное творчество, во многом и предопределило пути развития и основные тренды философии XX века.

* Это утверждение Отто Нейрата есть не что иное, как прямое указание на постепенный отход от идеалов логического атомизма, тщательным образом разработанного в логицизме Рассела-Витгенштейна, с последующей заменой его концептуальным холизмом, окончательное логико-философское обоснование которого оформил немного позднее Уиллард Ван Орман Куайн [16].

** В целом идеи об основаниях науки Отто Нейрата прекрасно характеризует его собственная, ставшая знаменитой, метафора: «мы подобны морякам, которым нужно переделать свой корабль в открытом море и которые не имеют возможности поставить его в док». [15; 311-312].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назарова О.А. Предисловие редактора // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 7-54.
2. Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 546 с.
3. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
4. Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 1-31.
5. Шлик М. Поворот в философии // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 98-104.
6. Карнап Р. Старая и новая логика // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 105-119.
7. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 33-50.
8. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 288 с.
9. Шлик М. Позитивизм и реализм // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 283-309.
10. Кассирер Э. Теория относительности Эйнштейна. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 146 с.
11. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ Лаборатория знаний, 2003. 456 с.
12. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: ИД «Территория будущего», 2005. 304 с.
13. Карнап Р. О протокольных предложениях // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С. 320-334.
14. Айер А.Дж. Язык, истина и логика. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 240 с.
15. Нейрат О. Протокольные предложения // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: ИД «Территория будущего», Идея-Пресс, 2006. С.310-319.
16. Куайн У. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». С. 45-80.